

КАПИТАН АМЕРИКА

ТЕМНЫЕ ЗАМЫСЛЫ
СТЕФАН ПЕТРУЧО

MARVEL

Вселенная Марвел

Стефан Петручо

**Капитан Америка.
Темные замыслы**

«АСТ»

2015

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Петручо С.

Капитан Америка. Темные замыслы / С. Петручо —
«АСТ», 2015 — (Вселенная Марвел)

ISBN 978-5-17-099744-2

Капитан Америка воевал с солдатами, террористами и всевозможными злодеями. Но теперь ему предстоит сражение намного сложнее: его враг – собственное тело. Щ.И.Т. обнаружил, что его клетки уже не первый десяток лет служат приютом болезнетворного микроорганизма, способного уничтожить все человечество, и худшие страхи Кэпа стали реальностью. Его придется заморозить до тех пор, пока от этого вируса не найдется лекарство. Но он не одинок. Много лет назад страшнейший из его врагов сумел достичь величайшего успеха в своей карьере, пересадив свой разум в тело Стива Роджерса, которое клонировали вместе с вирусом. При этом Красный Череп совершенно не склонен к самопожертвованию. Кэпу предстоит заморозить своего злейшего врага, не позволив вирусу вырваться наружу. Сумеет ли он прожить достаточно долго, чтобы захватить Красного Черепа и вернуться к страшнейшему из своих кошмаров? Ведь враг ни в чем не уступает ему!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-099744-2

© Петручо С., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

1	7
2	14
3	19
4	23
5	29
6	33
7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Стефан Петручо

Капитан Америка: Темные замыслы

*Посвящается Дэвиду Маркису, настоящему герою,
посвятившему свою жизнь тому, чтобы донести радость искусства
до 345 000 школьников Нью-Йорка.*

CAPTAIN AMERICA: DARK DESIGNS PROSE NOVEL

Stefan Petrucha

Originally published in the English language by Marvel Worldwide, Inc.,
under the title Captain America: Dark Designs prose novel

VP, PRODUCTION & SPECIAL PROJECTS: JEFF YOUNGQUIST

ASSOCIATE EDITOR, SPECIAL PROJECTS: SARAH BRUNSTAD

MANAGER, LICENSED PUBLISHING: JEFF REINGOLD

SVP PRINT, SALES & MARKETING: DAVID GABRIEL

EDITOR IN CHIEF: AXEL ALONSO

CHIEF CREATIVE OFFICER: JOE QUESADA

PUBLISHER: DAN BUCKLEY

EXECUTIVE PRODUCER: ALAN FINE

EDITORS: JOAN HILTY & STUART MOORE

DESIGNER: JAY BOWEN

COVER ART BY STEVE MCNIVEN, JAY LEISTEN, AND JUSTIN
PONSOR

INTERIOR ART BY STEVE EPTING, JACKSON GUICE, MICHAEL
LARK, JAY LEISTEN, STEVE MCNIVEN, MIKE PERKINS, DEXTER
VINES, AND PATRICK ZIRCHER

Печатается с разрешения компании *Marvel Characters B.V.*

Copyright © 2017 MARVEL

© Д. Старков, С. Старкова, перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

1

Дело не в личности. Дело в схеме, в шаблоне

Лето 2005 года. Вся в засохшей грязи, машина, подсакивающая на плоской сомалийской саванне между колючих кустов, выглядела, как и любой транспорт для личного состава Национальной Армии – темно-оливковый грузовик с брезентовым тентом. После того, как он проезжал, местные – многие из них жили в куполообразных хатках, слепленных из веток и выброшенных листов пластика – возвращались к своим делам.

Их попадалось много.

Но внутри грузовика, среди высокотехнологичного оборудования Щ.И.Т., Капитан Америка и два его спутника сидели в кондиционированном комфорте. Агент Уолтер Джейкобс разглядывал разнообразные экраны, пока доктор Ниа Н’Томо просматривала заметки на КПК. Голубоглазый, светловолосый Стив Роджерс пристально смотрел назад, наблюдая за усталыми верблюдами, пьющими грязную воду реки Мандера Дава.

Бронзовый солнечный свет блеснул на металлической оконной раме, делая ее похожей больше на портал между мирами, чем на пуленепробиваемое стекло. Пустырь с другой ее стороны вполне мог бы сойти за альтернативную вселенную. Джиляль, один из двух сухих сезонов, раскрасил засушливый ландшафт в оттенки желтого и коричневого, оставив только редкие маленькие пятна зеленого.

Этот вид заставил Роджерса задаться вопросом, не провел ли он больше времени в других мирах, чем в этой части своего собственного. Государственные границы создали опасность другого сорта, чем космические существа. Будучи живой пиар-кампанией во время Второй мировой войны, он хорошо представлял себе, насколько изощреннее стала пропаганда. Когда нацисты думали, что они превосходят всех прочих, было легче. Ты мог доказать, что это не так, победив их в бою.

А здесь и сейчас, боевики Аль-Шабаб¹ контролировали большую территорию к югу. Одно лишь присутствие Стива в звездно-полосатой униформе можно было истолковать как вмешательство загнивающих западных колонизаторов, дающее повод сосредоточить больше войск.

Хотя Кэп терпеть не мог, когда его считали таким же бандитом, как те, с кем он боролся всю жизнь, он никогда бы не надел ничего другого. Когда он поступал правильно под красно-бело-синим знаменем, стоящие за ним принципы превращались из абстракций в жизненные идеалы.

Как там сказал Черчилль? «Вы можете положиться на американцев, они сделают то, что нужно. Но только после того, как исчерпают все остальные возможности».

Он улыбнулся иронии этой мысли. В конце концов, Британский Бульдог также сказал, что демократия – наихудшая из возможных форм правления, не считая всех остальных.

«Мы люди, – подумал Роджерс, – и все, что мы можем – это бороться».

В поле зрения появилась небольшая группка деревьев с тощими стволами, которые выглядели слишком хрупкими, чтобы поддерживать тяжелые кроны. Когда-то он и сам был хрупким болезненным ребенком, дышал на ладан, но кто мог бы теперь в это поверить? В свое время любая пустыня может превратиться в рай.

Впереди несколько каменных строений теснилось около редкой здесь линии электропередачи. Когда водитель свернул на запад, Кэп почувствовал облегчение. Пропаганда подо-

¹ Харакат аш-Шабаб аль-Муджахидин (чаще просто Аль-Шабаб) – террористическая организация, возникшая в 2009 г. на основе воинствующего крыла сомалийских радикальных исламистов из «Союза исламских судов». В разное время контролировала значительные части территории Сомали и части Кении. В 2012 г. объединилась с Аль-Каидой. – *Прим. ред.*

ждет, когда речь идет об обезвреживании бактериологической бомбы: меньше очевидцев означает меньше возможных жертв.

Когда строения пропали вдаль, писк сенсора заставил его повернуться к темным внутренностям грузовика.

– Джейкобс?

В исходящем от дисплея свечении загорелая кожа рыжеволосого агента приобрела голубоватый оттенок.

– У меня девяностовосьмипроцентная вероятность совпадения сигнатуры в полумиле отсюда с ракетой «Эль-Хусейн Скад»².

Нахмурившись, доктор Н'Томо сгорбилась у брезентовой стенки.

– При дальности полета четыреста миль она может поразить несколько населенных центров в Ваканде, даже если они не знают, куда целиться. Я... была права.

Распоряжаясь единственным в мире источником вибраниума, металла с поразительной способностью поглощать кинетическую энергию, Ваканда разбогатела – и стала мишенью. Роджерс лучше других понимал, почему значительная часть этого богатства тратилась на сохранение в тайне ее точного местоположения. Его щит был сделан из случайного соединения вибраниума и железного сплава.

Стив наклонился к доктору Н'Томо:

– Если бы не вы, мы до сих пор сидели бы в Геликарриере, думая, что это просто блеф.

Обычно лицо ее было непроницаемо, но она слегка улыбнулась ему. Смуглая кожа, пронизательный взгляд и оливково-зеленая военная форма подходили к ее серьезности.

– И все же я разочарована. У меня такой род занятий, что лучше бы я не потребовалась.

– Я знаю. – Гадая, может ли она разглядеть выражение лица под маской, Кэп шутливо отдал честь. – Тогда – да здравствует наша ранняя отставка!

Взять гражданского эксперта на военную операцию всегда было рискованным предприятием, но доктор не была кабинетным затворником. Внучатая племянница Королевского Защитника Н'Томо, Ниа Н'Томо много работала в поле во время эпидемий СПИДа в Свазиленде и вспышек лихорадки Эбола в Западной Африке. Они впервые встретились в Геликарриере, и Роджерс скоро признал ее способности и восхитился ими.

– Если сомалийские пираты могут так легко достать ракету и вирусное оружие, не думаю, что это когда-либо случится. – Она шутливо подняла бровь. – Что касается свободного времени, Щ.И.Т. похитил у меня первый свободный день за восемь месяцев. Когда все это закончится, я бы не прочь пропустить по стаканчику.

Уже зная, что она крепкий орешек, Стив не был уверен, заигрывала ли она с ним, или это было просто дружеское предложение. До войны он был щедрым астматиком, потом десятилетия провел замороженным в арктическом льду, так что имел немного возможностей завести отношения.

– По стаканчику... Я не могу... Я...

Доктор моментально вернула себе «покер фейс». Она именно *заигрывала*.

– Простите, если я сказала что-то неподобающее.

– Нет, не в этом дело. Просто мой метаболизм перерабатывает алкоголь слишком быстро, чтобы что-то почувствовать. Результат применения сыворотки Суперсолдата. Никто же не любит пить с человеком, у которого хорошая память. – Пока он говорил, она нахмурилась, очевидно, так же в замешательстве, как и он. – По крайней мере, мне так сказали.

Она изучала его. Через мгновение насупленные брови сменила легкая улыбка.

Чувствуя иронический взгляд Джейкобса, Стив быстро сменил тему:

² Иракская баллистическая ракета, являющаяся модернизированной версией советской Р-17 (по классификации НАТО – «Скад») и названная в честь шиитского имама Хусейна. – *Прим. ред.*

– Нетрудно найти старый «Скад», если есть монета. Но здесь негде достать вирус бешенства. Пираты имеют опыт общения с финансистами, особенно теперь, когда международный нажим вынуждает их проводить больше наземных операций.

– Я была слишком поглощена изучением бешенства, чтобы прочесть последнюю сводку. Есть какие-нибудь теории, кто этим занимается?

Кэп пожал плечами.

– Кто-то, кому нужен вибриум и кому неважно, какими средствами его заполучить.

– Тогда выбор очень богат. Однако эти очень уж отчаянные. Даже если они смогут запустить ракету, у нашей противовоздушной обороны будет отличный шанс ее сбить. Реальные проблемы будут, если что-то пойдет не так на земле. Мы трое вакцинированы, но из-за высокой стоимости и отсутствия настоящего лекарства, воздушно-капельная эпидемия бешенства может истребить местное население. И мы даже не можем быть уверены, что наша вакцина эффективна, пока мы не определили штамм.

– Поэтому я и здесь, чтобы нейтрализовать любое сопротивление, пока вы и Джейкобс обеспечите транспортировку заряда, или, если возможно, обезвредите вирус на месте.

– Мы полагаем, что там не меньше пятнадцати вооруженных охранников. Вас не смущает такой расклад?

– На самом деле, это даже нечестно по отношению к охране, доктор.

На этот раз она определенно улыбнулась.

– Меня зовут Ниа.

– Стив. Я стараюсь никогда не разочаровывать одного из десяти ведущих эпидемиологов мира.

– Фактически, из пяти, Стив.

Ему понравилось, как она это сказала – словно поправляя грамматическую ошибку. Грузовик замедлил ход, и Джейкобс кашлянул.

– Как самый лучший в своем классе по интерпретации писклов и мигания красных огоньков, должен сообщить вам обоим, что мы в пятидесяти ярдах от цели. Доктор, у нас все готово, чтобы управиться с вирусом?

– Лучше всего было бы сжигание, но пока он не в человеческом теле, достаточно будет ультрафиолетового облучения. – Н'Томо подняла нечто, выглядящее как необычайно большой фонарь. – А это даст нам гораздо более концентрированное воздействие. Если будут признаки того, что вирус вырвался наружу, то защитные костюмы у меня наготове.

Сзади был виден только плоский ландшафт. Роджерс переместился ближе к Джейкобсу, проверить, что видно на мониторах впереди. Они подъехали к краю деревни в пустыне – шесть или семь круглых хижин, некоторые с соломенными крышами, разделенные низкими каменными стенами. Большинство жителей, вероятно, были внутри, прячась от жары, никого не было видно, кроме двух детей, ведущих старика. Они остановились и уставились на грузовик.

– Мы открыты со всех сторон. Мне это не нравится.

Джейкобс ухмыльнулся:

– Мы в грузовике на равнине с чахлой травой и низкими кустами. Без маскировки, и выбора у нас нет. Но предполагалось провести маленькую операцию – поэтому здесь ты, а не целая тактическая группа.

– Да, я не занимаю много места, – проворчал Роджерс, соглашаясь. – Зато о пусковой установке того же сказать не могу. – Он постучал по стеклу, показывая на самую большую хижину. – И вот единственное место в пределах видимости, где она может поместиться.

Джейкобс навел камеру на выход из хижины. В темноте блеснуло что-то металлическое.

– Вот она. Но где охрана?

Ниа придвинулась посмотреть.

– Внутри?

– Отведи, – сказал Роджерс. Камера вернулась к более широкой панораме, но показывала только мусор и низкорослую растительность. – Вот эти кусты. Я такие видел везде, только не в самих деревнях. Посмотрите, как они расположены – как будто...

Прежде чем Роджерс смог произнести слово *формация*, один из неуклюжих кустов повалился набок. Мужчина, тощий, но мускулистый, поднялся из скрывавшейся под ним ямы. Сухая земля сыпалась с узорного платка, намотанного на голову, и с гранатомета, стиснутого в руках.

Стив направился к задней двери.

– Принято.

Джейкобс переключился на комм, и, хотя Роджерс был уже на расстоянии нескольких футов, он мог слышать инструкции, которые доктор Н'Томо давала водителю, как будто она шептала их ему в ухо:

– К этой хижине немедленно.

Вылетая сквозь двери, Кэп сказал:

– Отставить. Я ценю ваш энтузиазм, доктор, но вам придется держаться на расстоянии, пока я не очищу территорию.

Она сердито уставилась ему в спину.

– А если они запустят ракету?

– Не запустят, Ниа.

Перед тем как приземлиться, он закричал старику и детям:

– Бегите!

Его ботинки подняли светло-коричневые клубы пыли, собравшиеся в небольшое облачко. Стив перекатился влево, развернулся к охраннику, встал на колени и метнул щит. Горячее марево залитого солнцем красного, белого и синего ударило по центру гранатомета, развалив его на две части.

Пока изображение проделывало короткий путь от глаз к мозгу стрелка, щит ударил его по голове. Этот был готов. Больше метеор, чем бумеранг, щит вернулся в ждущую руку Роджерса.

Прошло меньше секунды, но уже упало еще пять «кустов». Двое мужчин выкарабкались из ям глубиной по пояс. Еще трое, стоя в окопах, открыли огонь. Никакого укрытия от выстрелов не было, но, пока они оставались в окопах, их пули летели низко, позволяя Роджерсу легко уклоняться. Следующий бросок щита вырубил всех троих, как в игре «Шлепни крота». К тому времени первые двое уже бежали к Кэпу, и остальные кусты тоже были отброшены.

По нему все больше стреляли. Пули летели мимо или беспорядочно рикошетили от щита в каменные стены, землю или небо.

У некоторых террористов оружие было автоматическое, у немногих – однозарядное. Обостренное восприятие и дорогой ценой завоеванный опыт говорили Роджерсу, что и откуда стреляет. У двоих бегущих были пистолеты. У тех, что в ямах, уже слишком многочисленных для еще одного броска щита, огневая мощь была повыше. К несчастью, поднимающаяся пыль мешала видеть их оружие.

Грузовик был пуленепробиваемым, но еще один гранатомет мог бы его взорвать. Не обращая внимания на бегущих, Стив направлялся к окопам – пока проверка периметра не заставила его застыть на месте.

Старик и дети, мальчик и девочка, не сдвинулись с места. Они стояли и глазели – но не на стрелков, а на него. Их предсказуемая жизнь рассыпалась, они оторопели. Когда шальная

пуля ударила в землю около их ног, старик обнял детей костлявыми руками, защищая, но все равно они не бежали.

Роджерс знал: направься он беднякам, чтобы помочь, и пули последуют за ним. Чтобы отвести от них огонь, он развернулся в противоположную сторону. Но грузовик не подчинился его приказам. Вспахав широкие борозды в земле, он заслонил гражданских от огня.

Краем глаза Кэп видел, как Ниа затаскивает их в открытые задние двери, когда скрип механизмов заставил его повернуться к большой хижине. Поднимаясь в стартовое положение, головная часть «Скада» пробила соломенную крышу. В темное нутро хижины проникло солнце, осветив часть старого советского артиллерийского восьмиколесного тягача именно того типа, который нужен для транспортировки и запуска тактической баллистической ракеты.

У Стива не было времени выразить восхищение двоим бегущим за желание схватиться с ним врукопашную. Поднимаясь, щит выбил пистолет из руки одного боевика, а удар локтем в подбородок лишил другого сознания. Обезоруженный упал на колени и поднял руки, сдаваясь, но был поражен продолжающимся огнем из окопов.

Бросив вперед щит, Роджерс побежал к окопам. Вращающийся диск обезвредил четверых. Два пинка и удар с разворота устранили еще троих. Последний стоящий повернулся к нему лицом как раз вовремя, чтобы возвращающийся щит приложил его по затылку.

Все оружие было автоматическое, гранатомет одноразовый. Порядок. Стив ворвался в хижину как раз в тот момент, когда «Скад» зафиксировался в стартовом положении.

Полноватый мужчина за панелью управления был одет лучше остальных, борода его оказалась аккуратно подстрижена. Держа одну руку над кнопкой запуска, другой он жестикулировал, говоря:

– Вы только посмотрите, какой шикарный герой. Из США. Думаешь, это мы – плохие парни? Нет. – Его английский был ломаным и невнятным. – Мы берем еду с кораблей ООН, пока милитаристы не украли ее, чтобы больше людей могло есть. Танкеры приходят в наши воды, уничтожают нашу рыбалку, поэтому мы берем плату.

Что-то с ним было не так, и это не имело отношения к его риторике. Он потел. Конечно, здесь пустыня, но с этого человека буквально текло. Не похоже на тепловой удар. Вероятно, он привык к климату, да и влажная фляжка на боку свидетельствовала о том, что парень вряд ли страдает от обезвоживания.

Роджерс принял более спокойную позу.

– Как твое имя?

– Мое имя? Я не хочу давать тебе мое имя. Зови меня Робин Гуд. Знаешь его?

– Знаю. Значит, ты не плохой парень? Замечательно. Как насчет доказать это и отойти от ракеты, которая угрожает многим невинным людям?

Плечи «Робин Гуда» дернулись, он сжал свободную руку в кулак.

– Убийцы – это жадные вакандцы! У них весь вибриум мира. Денег, которые можно было выручить за то маленькое количество, что мы просили, хватило бы, чтобы накормить тысячи. Если бы они нам его дали, всего этого не было бы. Но им нужна мотивация, и они ее получают.

– Предположим, я тебе верю. А ты знаешь, что твой партнер сделает со своей половиной? У меня такое чувство, что он не будет никого кормить.

«Робин Гуд» схватил свою собственную руку и начал бить ее другой. Сердечный приступ?

Ниа сказала через комм:

– Это симптомы бешенства. – Все еще в грузовике, она наблюдала сцену на мониторах через нательную камеру Кэпа. Впервые он услышал в ее голосе напряжение.

– Боеголовка разгерметизировалась?

– Необязательно. Симптомы бешенства не проявляются от двух до двенадцати недель после заражения. Я не вижу никаких явных признаков у охранников или гражданских. Скорее всего, он заразился, заряжая ракету.

Рука над кнопкой дрогнула. Если бы она отодвинулась хоть на долю секунды, Роджерс знал, что мог бы скрутить бородача. Но как только он сделал осторожный шаг вперед, «Робин Гуд» овладел собой.

– Стой на месте, США.

Кэп встретил его взгляд.

– Ты заражен.

Пират потряс головой и фыркнул:

– Я знаю. Наше стерилизационное сооружение не соответствует западным стандартам. Это был просто сарай. Но стоит умереть, чтобы моя семья не беспокоилась до конца своей жизни.

– Ты не обязан умирать. Мы можем помочь тебе. – Стив еле слышно прошептал в комм: – Ведь так, Ниа?

Ответ был еще тише:

– Эмм, нет. Если неврологические симптомы уже проявились, бешенство почти всегда приводит к смертельному исходу. Но сейчас не лучшее время сообщать ему об этом. Известные штаммы вируса передаются со слюной, при укусе, но мы надеваем костюмы на случай, если это не так. Держись от него подальше.

Глаза пирата шныряли туда-сюда. То он смотрел на вход, то на тени в хижине.

– Что говорят твои друзья в грузовике, США? Они думают, снайпер меня уничтожит?

– Здесь нет снайперов, клянусь. Все нормально. Все хорошо. Если только ты...

– Все *не* хорошо! – рыча, пират треснул по контрольной панели.

Усиленные рефлексы Роджерса послали щит в полет. Мгновение спустя вращающийся край щита ударил тело пирата, оно согнулось и полетело назад. Но в полете пальцы мотающейся руки нажали кнопку.

Роджерс, Н'Томо и Джейкобс одновременно заорали:

– Нет!

Из двигателей «Скада» повалил дым. Его шипение смешалось с грустным смешком. «Робин Гуд» лежал на земле, щит поверх него.

– Видишь? – сказал он между судорожными хриплыми вдохами. – Я говорил тебе, что все не будет хорошо.

Из ревущего мотора вырвалось пламя. Ракета задрожала, но осталась на месте. Взгляд на пусковую установку ответил Роджерсу, почему: из-за болезни или некомпетентности оператор не снял фиксирующие захваты, которые удерживали «Скад» при транспортировке.

Тяга возрастала. Либо металл не выдержит и выпустит ракету, либо она выбросит свой смертоносный груз здесь и сейчас.

Когда Роджерс рванулся за щитом, он услышал крик Ниа:

– Не трогай! Он может быть заражен.

– Он мне нужен, чтобы вскрыть обшивку ракеты.

Слыша ее через комм, Стив не осознавал, что доктор покинула грузовик, пока от его спины и плеч не отразился синеватый свет. Скрытая с головы до пят военным защитным костюмом, она поводила ультрафиолетовым ружьем из стороны в сторону, как будто пытаясь очистить воздух, а потом подошла к нему.

– Надо найти другой способ. Если вы пустите меня к боеголовке, я думаю, что могу разрядить ее. Я *знаю*, что могу.

Я знаю, что могу.

Ее слова, вместе с грохотом и дымом, разбередили давнюю занозу в памяти. Пылкий подросток во время войны, цепляющийся за беспилотный самолет, говорил ему то же самое:

Я могу привести самолет обратно – я знаю, что могу!

Отцепись от него! Он может быть заминирован! Ты не сможешь обезвредить бомбу без меня! Брось!

Ты прав, Кэп! Я вижу фитиль! Она...

Он хотел отшвырнуть ее прочь для ее же безопасности, но ограничился криком:

– Нет времени! Отойди!

Несколько ярдов до пусковой установки показались целой милей. Живя так долго в улучшенном теле, Стив хорошо представлял себе, каковы его силы. Например, он мог подвинуть крупногабаритный автомобиль вбок на ярд или около того. Но он понятия не имел, сможет ли сделать сейчас то, что намерен. Он должен приземлиться выше двигателя, чтобы не попасть в бело-желтое пламя, но руки должны быть свободны.

Так что он прыгнул и приземлился вниз головой, зацепившись ногами за опорную часть ракеты. Даже здесь двигатели жгли его сквозь униформу.

Не знаю, как Человек-Паук это делает...

Его вес нарушил равновесие. Захваты щелкнули, ракета наклонилась. Пока оставшиеся металлические ободы не отвалились, Роджерс пробил кулаками обшивку, добираясь до топливных насосов и самого ревущего мотора. Его тело обладало некоторой жаропрочностью, как и его перчатки, но это не избавило от боли от ожогов, когда он, цепляясь ногами за ракету, ухватился за горячие крепления двигателя и рванул.

Ему нужно было выдрать двигатель, и побыстрее, пока не воспламенился бак с горючим.

Наполовину освободив его, Стив тряс и крутил, надеясь использовать высвободившуюся силу тяги, чтобы вынуть двигатель из корпуса «Скада». Двигатель вылетел с сумасшедшим ревом. Кэп упал назад, обожженный краем выхлопного следа. Остатки «Скада» пошатнулись и рухнули. Поначалу Стив не был уверен, что все получилось, как надо. Если ракета ударилась о землю достаточно сильно, чтобы сработал ударный взрыватель на верхушке, вирус мог рассеяться в воздухе.

Но цилиндрическое тело ракеты опиралось на стену хижины, показывая носом на плотное облако низко над горизонтом, видимое в дыру в потолке, проделанную «Скадом». Когда Роджерс поднялся на ноги, другая зияющая дыра в противоположной стенке сказала ему, куда девался двигатель. Лишенный топлива, он замолчал, закопченный металл оставил тонкий след черного дыма, грязно пятнающий широкое голубое небо.

Он повернулся на счастливый смех, раздавшийся у входа.

Ниа удерживала одного из детей, девочку. Несмотря на то, что странный человек в защитном костюме держал ее, она смотрела во все глаза, и, широко улыбаясь, произнесла:

– Капитан Америка!

2

Для них смерть, конечно, важна. Никто не хочет умирать

Госпитальный халат был неудобен, и Роджерс снял его. Сидя в одних белых трусах на краю стола, он чувствовал себя, как будто ждал медицинского осмотра перед призывом. Но сегодня не 8 декабря 1941 года, и он не в Нижнем Ист-Сайде в Нью-Йорке. Он на высоте 50 тысяч футов, все еще где-то над Африкой, в маленьком карантинном изоляторе лаборатории 247 на борту принадлежащего Щ.И.Т. Геликарриера с командой около двух тысяч человек.

Стив вынул из ушей таблетки наушников, оторвавшись от кино, которое пытался смотреть на позаимствованном лэптопе. Единственным звуком было постоянное шипение, создаваемое отрицательной разницей давлений, нужной, чтобы предотвратить распространение инфекционной болезни. Собственная иммунная система, усиленная сывороткой Суперсолдата, хорошо его защищала, но, так как вирус не был подробно изучен, риск решили свести к минимуму.

Роджерс терпеливо сносил скуку, но не переносил неизвестность, не зная, как дела у остальных. Хотя Ниа была в защитном костюме, она находилась слишком близко к пирату. А Билан – девочка, прибежавшая посмотреть на него, – была вообще не защищена.

Он посмотрел сквозь прозрачную стену на белизну и металл лаборатории. Его единственный компаньон, доктор Уинстон Кейд, передвигался от инструмента к инструменту, делая заметки на КПК. Если у Ниа лицо было непроницаемое, то у Кейда – просто каменное. Хотя выражение лица ничего не говорило: общий вид доктора выдавал человека за шестьдесят, пережившего тяжелые времена. Его кожа была странного бледно-желтого оттенка, а в черных с проседью волосах виднелись проплешины, больше всего напоминающие следы радиационных ожогов.

Роджерсу не хотелось отвлекать Кейда от работы, но последние новости он слышал несколько часов назад. По крайней мере, они убедились, что боеголовка не разгерметизировалась, и «Робин Гуд» вряд ли кого-то заразил. Увидев труп главаря, взятые в плен стрелки охотно пошли на сотрудничество, боясь за свои семьи, и сообщили о всех местах хранения вируса. Но не о том, кто продал его.

Фильм, который смотрел Роджерс, не занимал его, но лэптоп не был очищен для соединения с сетью Геликарриера. Имеющуюся коллекцию собирал владелец лэптопа, Кейд. Думая, что Роджерсу более привычно черно-белое кино, он предложил «Панику на улицах» – снятый в 50-х годах триллер о погоне за зараженным легочной чумой в Новом Орлеане. Остальные фильмы тоже были подобраны достаточно причудливо для человека, сидящего в карантине: «Штамм Андромеда», «Безумцы», «Эпидемия», «28 дней спустя».

Наверное, стоило порадоваться, что доктор был неразговорчив.

Однако Ниа настаивала, что Кейд является ведущим экспертом в мире, и что им очень повезло его заполучить. Очевидно, он не смог упустить случай поработать с новейшим медицинским сканером производства «Старк Индастриз».

Терпение Стива иссякло, поэтому он постучал в стекло, но оно было толстым, воздух громко шипел, а расстояние оказалось слишком велико. Или, может быть, Кейд его игнорировал. Кэп подождал, пока тот не окажется прямо перед ним, и постучал опять, сильнее, чем намеревался. Дребезжание остановило их обоих.

– Простите.

Глаза Кейда внезапно расширились, он шагнул назад и посмотрел на мониторы, отыскивая утечки. Потом, удовлетворенный, ткнул в клавишу интеркома.

– Да?

– Дети в деревне, старик – с ними все в порядке?

Кейд кивнул:

– Их проверили и вернули домой задолго до того, как мы покинули воздушное пространство Сомали.

– А Ниа... доктор Н'Томо? И агент Джейкобс?

Новые кивки:

– Оба проверены, как и охранники. Это был стандартный штамм бешенства, и довольно плохо аэрозолизированный. Чтобы подхватить болезнь, нужно или дышать зараженным воздухом те несколько часов, что он активен, или быть укушенным зараженным человеком.

– Отлично, но тогда... Получается, в карантине только я?

Кейд неловко кивнул, как бы теряя терпение оттого, что приходится высказывать очевидное.

– Да.

Роджерс сдвинул брови.

– Могу я спросить, почему?

– Вы необыкновенный человек с необычной биометрией. Необычное требует более тщательного изучения. – Говоря, он не смотрел на Роджерса, а его пальцы плясали на клавишах КПК.

– Но... Доктор, вы что-то скрываете?

– Да.

Роджерс ожидал продолжения, но Кейд отошел и вернулся к работе.

Вспомнив о другом гении, который иногда за деревьями не видел леса, Стив тихо засмеялся про себя. «Этот парень еще более безумный, чем Тони Старк. Я думаю, все в свое время выяснится».

Чтобы не поддаваться неприятному чувству, что с ним обращаются, как с подопытной крысой, он сосредоточился на мысли, что с остальными все в порядке, особенно с Ниа. Обнаружив, что даже немного *слишком* доволен состоянием ее здоровья, Стив вернулся к лэптопу.

Может, стоило попробовать посмотреть «Безумцев»? Но он действительно предпочитал черно-белые фильмы. В отсутствии цвета было что-то, делающее вещи более реальными.

Стив уже хотел нажать кнопку, когда дверь лаборатории отворилась и вошла Ниа. Она была уже не в военной форме, а в лабораторном халате поверх со вкусом подобранного штатского платья. На шее девушки висел небольшой амулет, в котором Кэп опознал символ клана Н'Томо. Рассеянно улыбнувшись Роджерсу, она подошла к доктору Кейду.

– Не возражаете, если я навещу пациента?

Тот обратил на нее столько же внимания, сколько на Роджерса. Значит, это не было что-то личное.

– Процедуры вы знаете.

Сочтя это за согласие, Н'Томо шагнула к стеклу. Забыв, что не одет, Стив встал и подошел ближе к прозрачной границе.

– Ниа, что происходит?

– Честное слово, я не знаю, Стив.

Ее голос был дружелюбен, но что-то в нем было от заученных интонаций сиделки.

– Это бешенство?

Пожатие плечами.

– Если это оно, то причин волноваться нет. – Говоря, она разглядывала его мускулистое тело. Это не было сексуально окрашенной реакцией, скорее, больше похоже на врачебный осмотр. – Даже если случайная капля слюны проникла в открытую рану, симптомов у тебя нет. Курс иммуноглобулина мог бы... – тут Ниа умолкла и уставилась на него, озадаченная.

– Что такое?

– Просто... У тебя нет шрамов. Ты побывал в *бесчисленном* количестве боев, и у тебя нет шрамов.

– Не совсем так. Один все-таки есть. – Стив повернулся и слегка оттянул резинку трусов, открыв жесткий белесый шрам на бедре – размером примерно с серебряный доллар. Лицо Кэпа помрачнело, пока он объяснял происхождение этой отметины.

– Это случилось во время войны. Я держался за хвост беспилотного самолета, когда он взорвался. Меня ударило горящим осколком двигателя. Очевидно, я цеплялся за него всю дорогу вниз.

Она прижала руку к стеклу ближе к шраму.

– И это все?

– Я живучий, но я не Росомаха или, слава богу, Дэдпул. Заживление идет с нормальной скоростью, но на теле обычно не остается шрамов. Вдобавок, Щ.И.Т. нанимает самых лучших врачей. – Он кивнул в сторону Кейда. – Хотя и не всегда самых общительных.

Н'Томо понизила голос, но говорила с нескрываемым восхищением.

– Доктор Кейд был практикантом в Германии в шестьдесят седьмом году, во время вспышки Марбургского вируса. Это такой родственник лихорадки Эбола, но немного слабее, и тогда его впервые обнаружили. Несколько дней он и его персонал были убеждены, что миру пришел конец, но он самоотверженно лечил заболевших и заразился сам. Большинство выживших лишились *всех* волос, но эффект был не только косметический: вирус повредил и его нервную систему. С тех пор он проводит свою жизнь, путешествуя из одной зараженной зоны в другую. Только в прошлом году он единолично предотвратил вспышку Эбола в Манфи, деревушке в Западной Африке. Я считаю, что необщительность – его личная проблема. Его работа безупречна, он предан ей... как одержимый.

Роджерс поднял лэптоп.

– Заметно по его подбору фильмов. Кстати говоря, я тут подумал... Может, вместо выпивки мы сходим в кино? Я предпочитаю боевики, но в данном случае посмотрел бы и комедию.

– И ты спрашиваешь об этом именно *сейчас*? – Она фыркнула и опустила голову. – Серьезно?

– Ну, нет... Шутка.

Ниа прислонилась к стеклу, прижав к нему указательный палец.

– Найти время, когда мы оба будем свободны – уже само по себе приключение.

– Это означает «да» или?..

Дверь в лабораторию опять отворилась. Директор Щ.И.Т. Ник Фьюри ворвался внутрь со своей обычной бесцеремонностью. Даже в облегающем полевом комбинезоне, небритый ветеран с повязкой на глазу выглядел как медведь гризли.

– Доктор Кейд, я ценю ваше желание скрупулезно изучить всю картину, но у меня глаза и так начинают разбегаться. – Низкий хриплый голос звучал как угрожающее рычание. – Пора сказать величайшему герою нашей страны, почему он все еще заперт в этом аквариуме.

Роджерс поднял руку к стеклу напротив пальца Ниа.

– Похоже, мое ожидание заканчивается. Мы обсудим это позже.

– Жду с нетерпением.

Между тем, несмотря на требование директора, Кейд все еще делал заметки. Роджерс не знал, сочувствовать доктору или уважать его.

– Это нецелесообразно. Я должен убедиться...

Фьюри взял двумя мозолистыми пальцами докторский КПК и выдернул из его рук.

– Ненавижу повторяться. Скажите ему, почему он все еще здесь.

Если Кейд хотел возразить, что-то во взгляде единственного глаза директора остановило его.

– Очень хорошо.

Он расправил халат и, с Фьюри, шагающим за ним по пятам, подошел к карантинной камере. Доктор явно все еще сомневался, сопел и смотрел по сторонам, как бы в поисках нужных слов.

– У меня бешенство? – предположил Роджерс.

– Нет. Это не бешенство. Это вообще не имеет отношения к бомбе.

– Тогда что?

Пристальный взгляд Фьюри как будто физически толкал Кейда.

– Я пытаюсь это выяснить. Хотел бы я поставить себе в заслугу, что заметил то, что просмотрели все остальные, кто обследовал вас раньше, но этот новый сканер в восемьсот раз мощнее спектрометров ядерного магнитного резонанса. Поэтому я первый, кто обнаружил это.

Прежде чем Роджерс успел спросить: «*обнаружил что?*» – Кейд провозгласил:

– Вы заражены вирусом.

Когда он опять замолчал, Фьюри подстегнул его вопросом:

– В вашем отчете сказано, что он заражен уже давно.

– Десятки лет. Судя по некоторым признакам, он подхватил его, когда был заморожен во льду. Вирус мог проникнуть из воды или другого замороженного организма.

Роджерс потряс головой.

– Я не особенно много знаю о вирусах. Разве такое возможно?

От более абстрактного вопроса доктор немного расслабился.

– Кристаллическая структура вириона³ позволяет ему выживать практически в любых условиях, даже в вакууме космоса. Несколько месяцев назад в вечной мерзлоте Сибири был найден древний вирус, которому, по меньшей мере, тридцать тысяч лет. Оттаяв, он сразу стал патогенным. Если бы вирусы не занимали переходную зону между живым и неживым, я бы сказал, что они потенциально бессмертны. Поразительно, как...

Фьюри прервал его:

– Ближе к теме. А наша тема – это Кэп.

Кейд опять заколебался, ища правильные слова. Вмешалась Ниа, пытаясь подбодрить его.

– Мы сосуществуем с миллиардами вирусов. Большинство из них безвредно. Если Кэп остается бессимптомным столько лет, почему вы думаете, что именно этот вирус опасен?

– У меня есть причина, и очень веская, но я не желаю это обсуждать, пока не убедился окончательно. Этот новый сканер дает настолько детальное изображение, что я использовал здешний центральный компьютер, чтобы создать виртуальную модель, показывающую, как вирус мог бы повести себя в нормальном человеческом теле, не укрепленном сывороткой Суперсолдата. – Его лицо помрачнело. – Предварительный анализ показывает, что мы имеем дело с УВ-патогеном.

У Ниа отвисла челюсть. Роджерс посмотрел на обоих докторов.

– И что это значит?

Она попыталась ответить, но не смогла закончить фразу:

– Уровня Вымирания. Способный истребить...

³ Вирион – частица вируса, единичный экземпляр. – *Прим. перев.*

– ...человека как вид, – пришел ей на помощь Кейд.

Фьюри рассвирепел.

– Так сказано в отчете, но я все равно не понимаю. Он везде ходил с этим вирусом, дышал и проливал кровь. Даже если у самого него иммунитет, почему он никого не заразил?

– Я пытаюсь это выяснить. У меня есть видео, которое может помочь объяснить всю механику, если вы... – доктор беспомощно показал на КПК в кармане у Фьюри. Тот вытащил его и вернул владельцу.

Кейд вывел на экран анимацию – не совсем идеальный шар на черном фоне.

– Это единичный вирион простой икосаэдрической структуры. – По мере наплыва камеры, поначалу ровная поверхность оказалась покрыта чем-то вроде кучек шипов. – Эти выступы состоят из белка, который может прикрепляться к определенным рецепторам на... Ммм... Ладно, наверное, легче представлять их себе как отмычки, тысячи отмычек. Когда вирион встречает стенку здоровой клетки, он использует эти отмычки, чтобы проникнуть внутрь. Если хоть одна подошла, он не только проникает внутрь – он направляется прямо к ядру и там взрывается, высвобождая свой генетический код. Ядро клетки воспринимает его как шаблон и бесконечно копирует до тех пор, пока клетка не лопнет. Входит один вирион, выходят миллионы. В человеческом теле сотня миллиардов клеток, так что несколько миллионов – это капля в море. Иммунная система способна убивать большинство вирусов, либо мы можем ее научить этому с помощью вакцин. Пока она уничтожает вирионы быстрее, чем они рождаются, проблем нет. Но если иммунитет не справляется, они распространяются, пока у хозяина не проявляются симптомы.

Анимация закончилась.

– В основном, это всё, что мы знаем о распространении вирусов. В нашем же случае у него очень много отмычек, примерно впятеро больше, чем обычно – но почему-то он их не использует. – Кейд потряс головой, остальные посмотрели на экран. – Откровенно говоря, я не имею понятия, почему человечество все еще существует.

3

Но важно ли это, если убить всех?

Окна в скошенном потолке разрушающегося замка пропускали сумрачный свет пасмурного дня в импровизированную смотровую комнату. Приобретя замок анонимно, Иоганн Шмидт полностью переделал интерьер, хотя это и не бросалось в глаза. Арочные окна создавали иллюзию разбитого стекла, пустых залов и осыпавшейся штукатурки. Помимо историй о призраках, бродящих по замку, и бассейнах в форме сердца, наполняющихся кровью в полнолуние, немногочисленные местные жители считали его заброшенным. На самом же деле фигуры в серой униформе патрулировали современное хорошо защищенное убежище.

– Тело вроде моего просто не должно реагировать на погоду, не так ли? – спросил Иоганн Шмидт. Чувство, что он не контролирует себя, начинало раздражать *Roter Totenkopf* – то есть, Красного Черепа.

– Еще несколько минут, *mein Herr*⁴. Я не закончил анализ. Дать не самую точную информацию будет медвежьей услугой нам обоим.

Что это значило? Доктор сомневается, сообщать ли ему плохие новости? Шмидт знал гениального генетика Арнима Зола десятки лет, но, с тех пор, как тот обитает в теле андроида, стало трудно угадывать, о чем он думает. Выражение его виртуального лица зависело больше от сознательных решений, чем от рефлексов, в нем отсутствовало то, что игроки в покер и специалисты по допросам называют «сигналом».

Расположение этой проекции лица в центре грудной клетки тоже не облегчало положения. Генетик выглядел, как один из Блемиев, – мифических существ, якобы населявших когда-то отдаленные уголки мира. Адольф Гитлер, человек, которому они оба так давно служили, мог бы счесть это мистическим знаком, подтверждающим связь Вечного Рейха с древним допотопным миром. А Зола просто считал, что это мудрее, чем иметь какую-то болтающуюся конечность, которую легко можно отсечь.

Исправление эволюции, как он однажды это назвал: «Если у вас нет головы, вы не можете ее лишиться».

Редкая для него шутка, если это вообще была шутка. Понять это так же трудно, как и определить эмоциональное состояние доктора. Его скрытность все больше выводила из себя и становилась подозрительной.

Обычно во время визитов в Роско, штат Нью-Йорк, Зола был более разговорчив. Замок был возведен в стиле средневековой Швейцарии, что вызывало у доктора приятные воспоминания о родине. Построенный в 1921 году, он должен был вызвать похожие чувства у жены архитектора, но ее поместили в санаторий до завершения строительства.

Это было самое подходящее место, чтобы расслабиться, подумать о будущем, поговорить. Но с самого начала осмотра Зола цедил слова редко и понемногу. Он уже видел посланцев с плохими новостями, умирающими в руках Красного Черепа. Может, он не хотел пополнить их ряды?

Шмидт подумал, не стоило ли уверить доктора, что он слишком ценен, чтобы быть убитым, но это не доставило бы удовольствия. Пусть лучше помучается. И будет осторожен.

Если бы Зола беспокоился о себе самом. Имелась и другая, любопытная возможность: он мог бояться за Черепа.

От этой мысли Шмидт разозлился.

⁴ Господин (нем.).

– *Schnell*⁵. Скажи мне уже. Что показало твое обсле...

Он сложился пополам, не в силах завершить фразу. Внезапно вонючий пот обильно выступил на красной коже, которой он был обязан своим прозвищем, стекая по шее на плечи. Раньше, леденящее чувство, которое заставило его потребовать обследования, было лишь как укол холодной иглы. Теперь оно пустило длинные побеги, охватившие основу его мозга.

В глазах потемнело, он затрясся. Одно колено подогнулось, и Красный Череп подумал, что сейчас упадет.

Вероятно, забыв, что его нечеловеческое тело больше не подвержено инфекциям, андроид заколебался, прежде чем прийти ему на помощь. Разъяренный отсутствием контроля над собой, Шмидт нашел в себе силы отмахнуться от него. Не уверенный, куда направить свой гнев, он попытался стоять прямо. Потом, пошатываясь, отошел от смотрового стола и оперся на ряд мониторов, которые показывали не только залы замка, но и его многочисленные экономические и политические предприятия по всему миру.

Они наклонились влево, потом вправо.

– Что со мной происходит? – От слабости собственного голоса Красный Череп удивился и почувствовал отвращение.

Зола, наконец, ответил:

– Сначала я думал, что это какая-то новая реакция вашего тела. Как мы знаем, это необычное тело, и не вполне ваше.

В конце Второй мировой войны экспериментальный газ погрузил Черепа в анабиоз, продлив его жизнь. Годы спустя, когда его действие сменилось на обратное, получилось так, что Иоганн Шмидт впал в дряхлость. Но в пыль рассыпалось только его тело. Ведь что такое на самом деле человек, если не шаблоны сознания, запечатленные в косной материи? Прежде чем истлевшая оболочка испустила последний трепещущий вздох, Зола умудрился перенести эти шаблоны сознания в новое обиталище, в клон, выращенного из украденной ДНК Немезиды Шмидта, Капитана Америка.

– *Ja*⁶. *Ego* тело. Я говорил тебе, как мне это отвратительно? – Он оперся на контрольный пульт, и боль отступила. Чувствуя, что Зола все еще рядом, он снова отмахнулся от него. Сделав несколько почтительных шажков назад, андроид изобразил пожатие плечами.

– И довольно часто. Мне казалось, его сходство с идеалом истинного арийца, белокурого и голубоглазого, должно было вам понравиться. Но, в любом случае, причиной ваших симптомов является не клонированное тело.

Шмидт вынужден был признать, что до сих пор оно было мощно и надежно. Даже столкновение с Пылью Смерти не убило его. Но она превратила его лицо в усохший набор костей, едва прикрытый туго натянутой алой кожей. Его фигура все еще напоминала Суперсолдата, но лицо превратилось в маску, которую он носил десятки лет, и он не был ни белокур, ни голубоглаз.

– Твое чувство юмора прогрессирует, но Роджерс был дохлым астматиком, жалким, как те *Untermensch*⁷, которых фюрер уничтожал в лагерях. Его собственная страна отвергала его, пока... – от новой вспышки боли Череп вздрогнул. – Если не это *verdamm*⁸ тело, то что это?

– Вы заражены вирусом, очень необычным вирусом. Здесь мало аппаратуры, но я могу сказать, что, вместо того, чтобы путешествовать по кровотоку, он прикрепился к нервным окончаниям, примерно так же, как вирус бешенства. Может, вы контактировали с вирусом, которым снабдили сомалийских пиратов?

⁵ Быстрее (*нем.*).

⁶ Да (*нем.*).

⁷ Недочеловек (*нем.*).

⁸ Проклятое (*нем.*).

Свечение мониторов раздражало глаза, поэтому Череп повернулся к компаньону.

– Последний раз я покидал базу несколько месяцев назад, когда сомалийская операция еще даже не планировалась. Покупка и доставка осуществлялись через посредников, и все они были уничтожены после выполнения задания.

– И вы уплатили сполна и авансом? Тем, кто торгует такими вещами, не стоит давать повода мстить.

Шмидт поглядел на него:

– Ты принимаешь меня за дурака? Конечно, ему заплатили, и заплатили щедро. Ты можешь сказать мне, что узнал?

– Боюсь, это не очень утешительно. Данные противоречивы. Вирус должен быть очень заразным и смертельным. При таком коротком инкубационном периоде я вынужден признать, что это патоген уровня вымирания.

– Драматическая оценка.

– Да. В то же время, ни у кого из ваших людей симптомов нет. Хотя мои знания о вирусах говорят мне, что они скоро появятся.

Нетвердой рукой Шмидт почесал подбородок. Тот был сухой. По крайней мере, он больше не потел. Череп посмотрел на мониторы, на верных людей, стоящих на своих постах.

– Может ли просто контакт с транспортом вынести вирус во внешний мир?

– Может.

– И тогда власти смогут проследить его до этого места?

– Возможно.

– Тогда необходимо провести корректировку, чтобы исключить такую возможность. Я потратил месяцы на создание этого убежища не для того, чтобы его так легко раскрыли.

Шмидт толкнул рычаг, герметизирующий комнату. Он слышал, что Зола говорит: «Прежде чем что-то делать...», но голос генетика звучал издали и приглушенно.

Череп игнорировал его. Он владел собой. Он толкнул другой рычаг, и из-за двери раздалось тихое шипение. Датчики состава воздуха зажглись красным. Секунды спустя один из охранников схватился за грудь и упал. Другой рванулся на помощь, но тоже упал, не добежав.

– Герр Череп, вероятно, вы не слишком ясно мыслите.

Удовлетворяя давнее пристрастие, Иоганн переводил глаза с одного экрана на другой, наблюдая, как его люди задыхались и падали. Когда начинались судороги, он задерживал взгляд, пока любое движение не прекращалось. Еще один переключатель запустил вентиляцию. Когда состав воздуха вернулся в норму, датчики загорелись зеленым.

– Это было... импульсивно, – произнес Зола.

Настроение Шмидта улучшилось, и он ответил:

– Во всяком случае, теперь мы знаем, что система вентиляции работает, как нужно. – Он прошел к кожаному креслу за столом из красного дерева и сел. – Но я прошу прощения. У тебя были возражения?

– Не вижу смысла приводить их теперь.

Шмидт откинулся в кресле, сложив руки в перчатках на коленях, и улыбнулся андроиду.

– Я настаиваю, Арним. Пожалуйста, отчитайте меня за *импульсивность*.

– Мои возражения чисто прагматические. Если один из этих людей принес вирус, вы сделали его недоступным даже для моей техники допроса. Если были зараженные – а я никогда не говорил, что они были, – я мог бы использовать дополнительные пробы, взятые из нормальных тел. И наконец, тела придется кремировать, чтобы наверняка уничтожить вирус. Если вас в первую очередь заботит скрытность, дым тоже может привлечь внимание.

Осознав, что доктор прав, Шмидт постарался, чтобы голос звучал ровно.

– Может быть, в будущем ты остановишь меня *до того*, как я наделаю таких дилетантских ошибок.

– Я пытался. И кстати, вы неправильно поняли мою оценку. Я не считаю ваши действия дилетантскими. Как я уже сказал, вирус воздействует на нервную систему, включая мозг. Такое опрометчивое потакание своим желанием может быть симптомом болезни.

Чувствуя раскаяние, Череп прижал пальцы к вискам. Когда он отнял их, они опять были мокры от пота.

– Тогда мы должны поспешить. Приготовь мою сущность, как ты ее называешь, к переносу в другое, менее противное тело, как можно скорее. У тебя есть здесь необходимая аппаратура, *ja*?

Ja. Его старинный акцент, по-видимому, тоже усиливался. Еще один симптом?

Лицо на груди андроида нахмурилось.

– Я боюсь, герр Череп, что из-за причудливых отношений вируса к вашей нервной системе это невозможно.

Собрав все силы, Иоганн выпрямился и изобразил уверенную ухмылку.

– Арним, у нас нет времени на пораженческие настроения. Твоя гениальность уже не раз позволяла мне выжить при невозможных шансах. Мы должны верить, что и на этот раз все получится. Готовь свое оборудование.

– И опять, вы не понимаете. Говорить о *шансах* будет неточно. Вирус уже настолько проник в вашу высшую нервную деятельность, что перенести сущность означает также перенести вирус. В любой форме, даже в двоичном коде, он продолжит замещать ваши шаблоны своими собственными. Новое тело не изменит решительно ничего.

Ухмылка немного поблекла.

– Однако... ты ведь удивлял меня раньше.

– Сначала я должен удивить самого себя. И, хотя я ценю вашу веру в меня, если вдруг не найдется некоего чудодейственного лекарства, вы непременно умрете.

4

Смерть важна только для тех, кто остался жив

Для Капитана Америка никогда не вставал вопрос, может ли он поставить других выше себя. Он это делал инстинктивно и настолько часто, что кто-нибудь другой, лишенный его моральных принципов, счел бы это состоянием психики, нуждающемся в медикаментозном лечении. Даже те из собравшихся в лаборатории, кто знал только репутацию Кэпа, не сомневались, что он снова сделал бы то же самое.

Наблюдая из-за стекла, Стив Роджерс думал, что они могут подвергнуть себя лишнему риску ради него. Например, Ник Фьюри, который знал его дольше всех, приказал, чтобы спешно созванная встреча состоялась в его присутствии, и с его участием. Суровый директор Щ.И.Т. велел принести в лабораторию небольшой стол для совещаний, и собравшимся главам отделов пришлось сидеть на неудобно узких складных стульях. Фьюри утверждал, что сделал бы то же самое для любого агента или гражданского лица в схожих обстоятельствах, но очевидно, что сейчас он думал о данном конкретном человеке.

В ноутбуке Роджерс прочел о том, как быстро могут распространяться патогены, и это заставило его задуматься. Средний человек трогает свое лицо около тысячи раз в день. По мере того, как он считал невольные почесывания, потирания носа, вытирания губ, рук, поскребывания в волосах, наблюдал за Ниа, грызущей ноготь, ему стало казаться, что это число сильно занижено.

Единственным человеком, не делавшим таких жестов, был доктор Кейд. Роджерс был уверен: существуй хоть малейшая опасность, и эпидемиолог яростно возражал бы. С момента обнаружения вируса док сделал единственную любезность – передал пациенту одежду через маленькое безопасное передаточное устройство, открывающееся в герметичную камеру. Когда Роджерс предложил вернуть с ее помощью ноутбук, Кейд отмахнулся, сказав: «Пускай пока побудет у вас».

Белый комбинезон больше соответствовал атмосфере встречи, чем трусы, но Стив все так же чувствовал себя подопытной крысой. К счастью, Фьюри расхаживал по лаборатории за двоих, мечась, как тигр, вдоль своего конца стола. Не успели все втиснуться на свои места, как он показал на повестку дня, спроецированную на стену.

– О'кей, ребята, время разобраться с угрозой, нависшей над человечеством на этой неделе. Пункт номер один: группа риска. Надо думать, это *все*, правильно? Доусон?

Светловолосый мужчина, относительно недавно принятый в медицинский персонал Щ.И.Т., старался не ерзать на своем месте, пока говорил.

– Составить список всех, с кем нулевой пациент... ээ... Капитан Америка контактировал за последние несколько десятков лет, невозможно, но нам нужно с чего-то начать. Геликарриер останется в карантине, и пока мы не проверим каждого на борту, никого не впускаем и не выпускаем. Восемнадцать процентов персонала уже проверено на новом сканере. В первую очередь обследуются агенты и сотрудники, работавшие с ним в любом качестве за последние шесть месяцев. Скорость проверки увеличится вдвое, когда мы запустим запасной сканер, и еще один мы заберем в комплексе «Старк Индастриз» в Неаполе беспилотным самолетом. Но даже без него на все тысячу восемьсот двадцать семь человек команды и гостей нам понадобится тридцать четыре часа.

Фьюри шумно выдохнул.

– Не уходите от главного. Вы нашли что-нибудь?

Доусон потряс головой.

– Нет. У нас нет идентификаций с моделью, предоставленной доктором Кейдом, с характерной РНК плюс-цепью и нетипичной белковой оболочкой.

– То есть, он не распространяется. Хорошо.

Кейд кашлянул:

– Насколько нам известно.

Фьюри повернулся к нему здоровым глазом.

– Док, мы все прочли ваш последний отчет. Я даже велел перевести для меня самые длинные слова на нормальный английский. Для моих людей это возможность заполнить все пробелы. Поэтому я хотел бы сначала послушать их, если вы не возражаете.

Кейд потупился, и Фьюри продолжал:

– Пункт номер два: теории. Наш почетный гость полагает, что Кэп заражен *самое меньшее* с тех пор, как он был заморожен. Если это случилось в *то* время, значит, скорее всего, он контактировал с природным источником заражения. Что у нас по этому вопросу, Мило?

Ветеран Медицинского научно-исследовательского института инфекционных болезней Армии США Джанет Мило работала в медицинском подразделении Ц.И.Т. семь лет. Ей не нужно было заглядывать в заметки.

– Если это реовирус⁹, он может использовать практически что угодно в качестве носителя – людей, животных, даже растения и грибы. Капитан Роджерс мог заразиться от какой-нибудь доисторической водоросли, замороженной миллионы лет...

Роджерсу нечего было добавить, и он тихо слушал, сидя на краю кровати. Здесь не нужно было принимать решения в бою или составлять план атаки. В то же время, это было откуда-то знакомо – пока другие обсуждали его судьбу, он сидел, сложа руки. Стив порывлся в памяти, но воспоминание не давалось.

Когда Мило закончила, Кейд имел такой вид, как будто опять хочет что-то сказать, но Фьюри демонстративно продолжил:

– Если он заразился *до того*, как был заморожен, существует вероятность, что его намеренно заразили, и здесь слово агенту Барка.

Тощий кудрявый человек с бородкой клинышком ответил:

– Это может быть вирус-невидимка, искусственно созданный штамм, способный оставаться пассивным десятилетия, пока его не активизирует заранее заданный стимул, наподобие бомбы, ждущей сигнала с мобильного телефона.

Фьюри скривился.

– Прекрасно! А у кого во время Второй мировой было вирусное оружие?

Барка пожал плечами.

– Вирусное оружие – вовсе не новость, полковник. В тысяча пятисотом году до нашей эры хетты посылали жертв чумы во вражеские лагеря. Наш вирус невозможно изготовить по известным нам технологиям, но, если говорить о возможностях, Арним Зола экспериментировал с генной инженерией в сороковые годы. Он, либо кто-то нам неизвестный, мог совершить необходимые открытия.

Роджерс застыл при звуках этого имени. Это была зацепка, по крайней мере, над этим стоило подумать – но Фьюри выдвинул очевидное возражение:

– Если некий злой гений взял на себя нелегкий труд сделать из Кэпа грандиозную бомбу с часовым механизмом, почему он до сих пор не потребовал выкупа? Шестьдесят лет – довольно долгий срок для того, чтобы приберечь что-то такого масштаба на черный день.

Как оказалось, Барка уже обдумал ответ на этот вопрос:

⁹ Семейство вирусов. Вирусы классифицируют примерно как растения и животных, порядок – семейство – подсемейство – род – вид. – *Прим. перев.*

– Если считать, что он все еще жив. Вспомните, капитана Роджерса считали мертвым десятки лет. За это время виновник мог банально умереть от старости. Возможно, эта проблема уже решена.

Кейд приподнялся со своего места:

– Здесь слишком много «если».

Фьюри не принял вызова:

– Я работаю на этом конце стола уже очень давно, и «слишком много если» – это все, что я когда-либо имел. Факт заключается в том, что эта штука не распространяется уже многие годы. Единственная разница между вчера и сегодня в том, что теперь мы знаем о ней. Может быть, иммунная система Кэпа держит ее под контролем. Черт возьми, может быть, это долбаный *волшебный* вирус! Но, раз вы все время пытаетесь говорить не в свою очередь, позвольте вас спросить: после того, как мы тут примем все надлежащие меры, будет ли у нас какая-либо веская причина не выпускать его из этой конуры?

Как будто наблюдая теннисный матч в замедленной съемке, Роджерс и все тесно сидящее сборище перевело взгляды обратно на Кейда. Эти двое были образцом противоположности. Мускулистый Фьюри, человек, полностью доверяющий своим инстинктам, ожидал ответа. Кейд – физически слабый, полагающийся на свой мозг, а не на травмированное тело, – ответил буднично:

– Будет – потому что я не позволю.

Все взгляды перескочили на Фьюри.

– Вы... что? По-моему, это я здесь отдаю приказы.

Кейд забарабанил пальцами по столу.

– Ну, не совсем. Вас, эээ... должны были известить.

Как по команде, вокруг стола запищали разные устройства. Лэптоп Роджерса, теперь уже соединенный с сетью, показал официально выглядящее сообщение. Пока он просматривал его, Кейд объяснял:

– Я связался с Центром по контролю и профилактике заболеваемости. Согласно международному протоколу, в данных обстоятельствах их полномочия превышают полномочия Щ.И.Т. На меня возложена ответственность за любые решения по локализации этого вируса.

Фьюри на мгновение оторвался от чтения, его здоровый глаз горел:

– Су...

Кейд моргнул.

– Я не намеревался наступать кому-либо на пятки.

– Вы так забавно это показали!

– Я понимаю ваше замешательство и ваше невежество...

– Мое что?

Директор выглядел так, будто он сейчас бросится на оппонента через стол. Несколько агентов напряглись, готовясь удержать его. А вот Кейд не выказывал признаков страха или раскаяния.

– ...но ситуация слишком экстренная. Я не могу полагаться на то, что непрофессионал полностью понимает масштаб опасности. Особенно учитывая закономерное уважение ваших людей к Роджерсу. Ваше мышление очевидно замутнено вашей привязанностью. Мое – нет. Я согласился на эту встречу, потому что карантинная камера безопасна, но он останется там, пока я не скажу, что он может выйти.

Фьюри наклонился вперед, и те, кто его знал, не увидели в этом ничего хорошего.

– Защита человечества от вымирания – это работа Щ.И.Т. Если вы думаете, что...

– Прежде чем вы продолжите, позвольте показать вам на примере, что вы недостаточно ясно мыслите. Вы сказали, что единственная разница между сегодня и вчера состоит в том,

что сегодня мы знаем о вирусе. Что если бы это был не вирус? Если б мы обнаружили астероид, направляющийся к Земле?

– Я тебе покажу астероид...

Фьюри двинулся вперед, пока его не остановили Доусон и Мило. Подопытной крысе настало время вмешаться.

Роджерс постучал по стеклу – громко, но не слишком, чтобы привлечь их внимание.

– Фьюри... Ник, позволь ему договорить, а потом продолжайте.

Фьюри поднял руки в жесте покорности и уселся на место.

– А у меня есть выбор?

Все в комнате облегченно вздохнули. Кейд, вероятно, осознав, наконец, что его врачебный такт мог бы быть немного получше, мгновение собирался с мыслями. Внезапное возвышение доктора казалось Роджерсу оправданным, но только увеличило его волнение. Почему?

Он бывал лишен свободы, пойман в ловушку, казалось бы, беспомощен много раз, но сейчас ситуация была тревожно знакома. Потому что тонкости этого дела были вне его компетенции? Или потому что он был напуган?

Конечно, он был напуган. Он никогда не был лишен чувства страха, как можно было бы подумать со стороны. Он хотел жить, преуспевать, наслаждаться удовольствиями, которые предлагает мир. Но давным-давно он решил, что никогда не будет удовлетворять эти желания за счет других. Это решение позволило ему отстранить свой страх. Подтверждаемое снова и снова, бесчисленными способами в неисчислимых боях, оно превратилось в привычку.

Кейд сглотнул, выпрямился и откашлялся.

– Я тоже занимаюсь спасением человечества, но моя компетенция не включает главнейшей преступного мира или угроз внеземного происхождения. Я даже не собираюсь критиковать действия Ш.И.Т. в таких случаях. Но моя работа подразумевает именно этот конкретный тип угроз, и я знаю, что, если мы не будем очень осмотрительны, нам придется наблюдать событие типа «черный лебедь» – нечто, совершенно немыслимое в человеческой истории, до тех пор, пока оно не случается¹⁰.

Фьюри ошетинился.

– Я знаю, что это значит. У нас было шесть «черных лебедей» за последние пять лет. Но, как я сказал, Стив жил, дышал, проливал кровь и спасал чужие задницы гораздо дольше. Если бы хоть *кто-нибудь* за это время заразился, мы бы уже заметили, так?

– В том-то и дело. К тому времени, когда мы заметим инфекцию, будет слишком поздно. Вы высоко ставите мужские качества, так что я попытаюсь излагать в понятных вам терминах. Представьте себе ружье, направленное прямо на нас, как на вид, причем курок взведен и прикреплен к растяжке. Ведущий мировой специалист говорит вам, что растяжку *уже* задели и курок спущен. Ружье должно было выстрелить, но не выстрелило. Мы не можем просто сидеть и *надеяться*, что так оно и останется. Либо мы обязаны убедиться, что оно *не может* выстрелить, либо найти способ разрядить ружье. – Он умолк, потом добавил: – Я имею в виду вакцину или лекарство.

Фьюри смотрел сердито.

– Как работают аналогии, я тоже знаю. А еще я виртуоз в шарадах. Я понял вас, но ответьте мне... – устройства по всей комнате опять запиликали. – Ох, ради... Поставьте эти штуки в видеорежим!

Ниа повернулась к Фьюри:

¹⁰ Очень древняя метафора: до открытия Австралии черные лебеди считались вещью совершенно невозможной. – Прим. перев.

– Прошу прощения за вмешательство, полковник. Я не думала, что они так быстро отреагируют.

Кейд посмотрел на свой КПК и нахмурился.

– Еще одно сообщение от Центра по контролю. Очевидно, мои полномочия не так всеобъемлющи, как я объявил. Любые свои действия я должен согласовывать с доктором Н’Томо.

Он посмотрел на нее.

Она пожала плечами.

– Я сочла, что одному человеку не стоит принимать такие решения, особенно когда имеется еще один квалифицированный эксперт.

– Приветствую вашу помощь.

Не уверенный, как ему реагировать на события, Фьюри скривил губы.

– Я, наверное, пойду прогуляюсь по бульвару, а вы двое напишете мне, если я понадоблюсь.

Игнорируя его, как родитель игнорирует капризного ребенка, Кейд обратился к Ниа:

– Вы понимаете, что мы не можем вечно держать капитана Роджерса в изоляторе.

Лицо Фьюри прояснилось.

– Хотя в *чем-то* мы согласны.

Ниа потрясла головой.

– Нет, я полагаю, доктор Кейд имеет в виду, что раз этот вирион раньше никогда не обнаруживали, то с ним никогда и не боролись. То есть, мы не можем быть уверены, что известные нам процедуры сработают. При таких экстремальных ставках мы должны мыслить тоже экстремально.

Кейд кивнул.

– Совершенно верно.

Полковник оскалился.

– Ах, так вы думаете, что мы просто должны шлепнуть его?

Кейд не отреагировал на сарказм.

– Если бы он был животным, и было бы безопасно выращивать вирус в культуре, я бы именно это и предложил. В данном случае, уничтожив единственного живого носителя, мы не сможем удостовериться в эффективности потенциального лечения.

Вокруг стола лица потупились и глаза расширились. Заметив это, Кейд добавил:

– И... безусловно, он имеет право выжить.

Хотя это дополнение не изменило выражения лиц, он продолжал:

– У меня есть другой план, который доктор Н’Томо, очевидно, должна одобрить.

В тесном пространстве было трудно передвигаться, и он медленно перебрался в другой конец лаборатории и включил проектор. Рядом со списком Фьюри появилась схема.

– Вирусы репродуцируются в зависимости от скорости метаболизма хозяина. Наилучшим способом изолировать вирус было бы замедление метаболизма путем помещения пациента вот в это.

Фьюри открыл рот.

– Но это же криоцилиндр! И вы говорите мне, что я должен взять парня, который *уже* провел во льду шестьдесят лет, и опять его заморозить?

Кейд кивнул.

– Да. Разве это не ясно? Не навсегда, конечно, но... на какое-то время. С помощью моделирования, которое можно проводить на новом сканере, и учитывая скорость технического прогресса, план лечения можно разработать за двадцать лет. Максимальная оценка – сорок.

Роджерс почувствовал себя так, как будто его исподтишка ударили под дых. «Сорок лет. Я проснулся в совершенно другом мире. Все, кого я знал, либо умрут, либо будут близки к этому. Опять».

Не веря тому, что услышал, Фьюри посмотрел на Ниа и сказал необычно просительным тоном:

– Пожалуйста, скажите мне, что он псих.

Мрачное выражение ее лица сообщило ему все, что она могла ответить.

– Мне очень хотелось бы не согласиться с доктором Кейдом, но я не могу. Компьютерное моделирование говорит, что потенциальная угроза огромна. Такие предосторожности... имеют смысл.

Пока она говорила, Роджерса наконец осенило, почему эта сцена кажется такой знакомой.

Он уже *был* здесь, в самом начале: подопытная крыса, но – по доброй воле. Очень, очень сильно желающая, чтобы ей дали шанс – всего лишь *шанс* – послужить большому делу. Тот факт, что сочетание сыворотки Суперсолдата доктора Эрскина и вита-лучей могло его убить, дошел до него, только когда иглы воткнулись в кожу.

И все равно, оно того стоило.

А разве сейчас он не в такой же ситуации?

Сердце заныло, когда Кэп подумал о еще одном долгом сне. Но он доверял Ниа, доверял даже Кейду, и ему стало легче. Он опять постучал в стекло и выдал им свою самую искреннюю улыбку.

5

Но, если все умрут, о чем останется заботиться? О небе? О планете? О звездах? Нет

Методически кремировав трупы и избавившись от пепла, Арним Зола вернулся на верхний уровень замка. Свет в главном зале был выключен, и контрольный пульт мягко освещали огонь в камине и свечение мониторов. Шмидт стоял за столом, озаренный с одной стороны красно-желтыми, а с другой – электрически голубыми сполохами. Перед ним стоял открытый деревянный ящик с пятью антикварными немецкими фляжками из хрусталя, упакованными в солому. Рука Иоганна сжимала шестую фляжку, наполовину наполненную пильзенским пивом, и он поднял ее, приветствуя андроида.

– Люблю сочетание старого и нового. Это напоминает мне... самого себя. – Череп отпил глоток и испустил хриплый вздох. – Доктор, я хочу вам что-то показать.

С несвойственным ему озадаченным выражением Шмидт поднял другую руку и продемонстрировал стиснутый кулак. Поворачивая его перед глазами, он изучал свою конечность, как если бы это была диковина, приобретенная им в том же антикварном магазине, что и фляжки.

– Моя собственная рука, а я не могу ею двигать. Новый симптом?

Зола потряс цифровой головой.

– Вируса? Нет. Слишком рано.

– Тогда что?

– Насколько я понимаю вашу психику, подозреваю, что вы испытываете крайнюю ярость на свою судьбу и соматизируете это чувство.

Шмидт кивнул, рассматривая идею.

– Ярость. Гм.

В камине сдвинулось и треснуло полено. Секунду стояла тишина. Потом, с искаженным багровым лицом, Череп обрушил стиснутый кулак на стол. С громким треском на столешнице красного дерева зазмеилась темная линия. Фляжки в соломе звякнули.

Когда Шмидт поднял руку, то обнаружил, что снова может сгибать пальцы. Небольшое искривление по краям рядов голых зубов служило у него выражением удовольствия. Для других это была квинтэссенция кошмара.

– Ах. Подозреваю, что ты был прав.

– Могу дать вам антидепрессант.

Череп непритворно удивился.

– Зачем?

– Комфорт? Ясность мысли? – предположил Зола. – В этом нет ничего постыдного. В таких обстоятельствах беспокойство вполне понятно.

– Беспокойство? Значит, ты имел в виду страх, а не ярость?

– Да, если хотите. Эти термины пересекаются. Чувствуя угрозу, тело реагирует как «бей или беги».

Мгновение Шмидт, казалось, раздумывал над этим. В следующий момент он схватил одну из пустых фляжек и швырнул ее в каминную решетку. Хрусталь разбился, на секунду наполнив воздух крошечными желтыми, красными и голубыми искорками. Изучив осколки, Череп повернулся к компаньону:

– Ты разочаровываешь меня. Гнев – это не страх. Это все равно, что сравнивать горящую звезду с грязью. Страх – это слабость. Гнев – это воля, напрягающаяся при подготовке к действию. – Его глаза сузились. – Знаешь ли ты, каких восторгов я был бы лишен без моего

гнева? Например, никогда не испытывал радость, душа женщину, которую любил, за то, что она осмелилась отвергнуть тебя... Нет, Зола, ярости не требуется успокоительное. Она требует уважения.

– Я понимаю вас... – Андроид слегка поворачивался, пока следующая фляжка покрывала небольшое расстояние от Черепа до камина, – ...как и предмет вашего восхищения. Я не имел в виду приравнять ваш праведный гнев к слабости. В то же время, это в природе человека, страшиться смерти, не так ли?

Шмидт презрительно ухмыльнулся:

– С каких это пор ты и я волнуемся о природе? – Он протянул фляжку, из которой все еще пил, сначала в сторону огня, потом к мониторам. – Вот твоя природа. Огонь обездыхивается булыжниками, электрический ток послушен сопротивлению кремниевого чипа. Зачем склоняться перед тем, что существует, чтобы быть прирученным? – Он взял четвертую фляжку и швырнул ее. – А гнев? Без его способности фокусировать волю жизнь становится такой же бессмысленной, как эти осколки хрусталя на полу.

– Могу я спросить, чего сейчас требует от вас ваш гнев?

Глаза Иоганна расширились.

– Выжить, конечно. Он требует выживания.

Зола посмотрел на Черепа, потом на разбросанные осколки, потом опять на Черепа.

– Возможно, я неправильно выразился, когда сказал, что ваша рука сжалась в кулак не из-за вируса. Болезнь может... влиять на ваше настроение.

– Тогда у этого вируса есть свои достоинства. – Красный Череп опустошил единственную оставшуюся фляжку. – Я прожил так долго не для того, чтобы просто умереть, да еще и от рук природы.

– Я уже обещал сделать все, что смогу, но у всех нас есть пределы.

– Как ни велики твои возможности, Зола, твои пределы и мои – это разные вещи.

Череп бросил последнюю фляжку, та разбилась, как и остальные. Но, в отличие от них, от нее остались не только осколки. Среди них сверкало ярко-желтым что-то вроде маленького камертона.

– То, что мы ищем, всегда оказывается там, куда мы заглядываем в последнюю очередь, *ja?* – Рассеянно массируя одну руку другой, Шмидт отодвинул хрустальные осколки от странного изделия носком ноги. – По крайней мере, я выпил все пиво.

– У вас есть какой-то определенный план?

– Конечно. У меня всегда есть план. С того самого дня, как я сбежал из приюта, до моего возвышения в нацистской Германии, до этой самой секунды, я всегда строил планы. – Иоганн наклонился поднять изделие, и когда он протянул его Зола, жуткая улыбка вернулась. – Другое хобби мне не подходит.

Андроид подошел рассмотреть вещь поближе. Череп поднес ее для него ближе к свету камина и поворачивал в разные стороны, демонстрируя три выступа в форме круга, квадрата и треугольника. В цилиндрической ножке была видна какая-то электроника – очень примитивная, как будто ее мастерили вручную: тонкие жилки шли к выступам.

– Весьма замысловато, правда? Переплетение прагматизма и красоты, сделано за многие годы до того, как Вернер Якоби приписал себе честь изобретения интегральной схемы. – Он посмотрел на андроида вопросительно. – Ты узнаешь это, Арним? Скажи честно, я не рассержусь.

– Судя по виду, это часть программы секретного оружия Рейха. Я был очень тесно знаком со всеми этими проектами, и мои воспоминания о них фотографически точны, благодаря моей форме. Поэтому я должен знать, что это, но... – Его аватар принял хмурый вид, что было для него редкостью – ...я никогда этого не видел.

Ответ рассеял подозрения Черепа.

– Это называется Сониключ, и ты и не должен был узнать его. И я тоже. Если бы мы не раскрывали наши секреты предателям и кретинам Команды Победителей, любое из наших открытий могло бы изменить весь ход войны. В этом проекте фюрер не доверял никому. Даже разработчики и строители были уничтожены после завершения проекта.

– В таком случае, я, вероятно, должен быть счастлив, что не узнаю его.

– Он даже велел хирургически вживить этот ключ в свое тело, – сказал Шмидт с усмешкой, – и доставать его было... интересно.

Зола развернул сканеры к устройству.

– Он похож на упрощенную версию сони-кристалла, устройства, которое использовали, чтобы разбудить *der Schläfer*, Спящих. Более ранняя версия того же проекта?

Череп рассматривал устройство с завистливым восхищением.

– Ближе, но не совсем так. Спящие были воплощением политики выжженной земли Гитлера. Они были созданы, чтобы уничтожить мир в случае, если ему не удастся его завоевать. Один гуманоид, один с крыльями, еще один – гигантская бомба, они должны были соединиться вместе, прокопать себе путь к ядру Земли и взорваться. Четвертый был действующим вулканом, чтобы ускорить геологическое разрушение планеты. А пятый, несокрушимый танк, должен был разгромить всех, кто вставал на пути остальных. Если бы их так и использовали, они могли бы достигнуть своей цели.

Рассказ заворожил их обоих, вызвав образы гигантских ног в заклепках, громадных металлических крыльев, заслоняющих солнечный свет, и бомбы, которая была мощнее первых ядерных бомб, хотя и предшествовала им.

Они пришли в себя, когда Шмидт громко цыкнул.

– Но вместо этого я пытался использовать их по отдельности для своих целей. В конце концов, чтобы завоевать мир, он должен оставаться в целости.

Не видя нужды упоминать красно-бело-синее марево, одолевшее чудовищные машины, он замолк.

Следующий вопрос Зола, из-за свойств его природы, был прагматическим:

– Если вы знали, что есть еще Спящие, почему вы держали их в тайне? Вы могли использовать такую мощь бесчисленное множество раз.

В глазах Черепа сверкнула обида.

– Потому что само их существование – это оскорбление. Они были построены с мыслью, что я не сумею уничтожить Капитана Америка. В то время Гитлер не мог представить себе собственное поражение, но он учитывал возможность, что ему придется прятаться. Самые первые Спящие должны были найти ярчайший символ демократической пропаганды, изучить его слабости и собраться в грозный боевой костюм, предназначенный исключительно для его уничтожения. Но разве Гитлер уступил эту честь мне, своей правой руке? Нет. Он хотел воспользоваться костюмом сам. Смерть Капитана Америка от его рук могла бы показать всему миру, что Рейх снова возродился. – Он сжал пальцы вокруг устройства, и оно исчезло из вида. – Но ведь уничтожение Роджерса было *моей* миссией. И я не представляю, где спрятаны части, и даже как они выглядят!

На мгновение Шмидт испугался, что его руку опять свело. С некоторым усилием он разжал кулак и уставился на то, что в нем было.

– Возможно, уязвленная гордость мешала мне видеть другие возможности, но в результате у меня все еще есть Сониключ.

Череп прищурился, глядя на засохшее пятнышко с краю устройства.

– Я думаю, это кусочек засохших кишок. Не нужен для экспериментов?

– Нет, благодарю. У меня множество образцов ДНК. Я думал, если скрепить их с генами домашней кошки, могло бы получиться интересное, хотя и строптивное, животное.

Но позвольте мне сказать, что я восхищаюсь вашим выбором умереть в битве со злейшим врагом.

– Ты что, не слушал меня? Я вообще не собираюсь умирать. Признаюсь, мне не известны все детали проекта, а особенно загадочен источник энергии, но я знаю, что костюм должен сохранять жизнь обитателя в самых экстремальных обстоятельствах, которые только можно себе представить. Очевидно, наш бывший лидер боялся, что к нужному времени он будет уже довольно стар и болен.

Зола все еще сомневался:

– Нацистские исследователи могли вообразить достаточно экстремальные обстоятельства, учитывая, какие эксперименты они проводили в лагерях, но я боюсь, что даже они не смогли бы остановить этот вирус.

– Осторожнее, доктор. Твой прагматизм уже граничит с пессимизмом. Я не мечтаю, что Спящие снабдят меня лекарством – только способом пережить твои прогнозы. Если костюм позволит мне прожить лишний месяц, можно будет найти способ еще удлинить это время. Как ты думаешь, года хватит, чтобы найти лекарство?

– Я не знаю.

Возможно, Шмидту стоило ожидать механически нейтрального ответа. Вместо этого он обнаружил, что гадает, насколько интересующегося «исправлением» эволюции андроида может заботить его смерть, или даже исчезновение всего человечества.

Но ему нужно было хоть *кому-то* доверять.

– Ну-ну, – Шмидт кивнул на кучку разбитого хрусталя. – Тот бокал был наполовину полон или наполовину пуст?

– Очень хорошо. Если я не знаю, что потерплю неудачу, то существует возможность, что я добьюсь успеха.

Шмидт нажал кнопку в ножке Сониключа. На его поверхности заплесал слабый свет, тонкие линии путешествовали по перепутанным медным проводам, становясь толще и ярче, по мере того, как двигались быстрее и быстрее.

Красный Череп издевательски усмехнулся:

– И во всяком случае, я хотя бы уничтожу Роджерса.

6

История не существует, если ее некому читать

Сабина Фертиг из Пенсильвании проводила отпуск в Париже, празднуя недавно полученную ученую степень по лингвистике. Она уже сфотографировалась на фоне Пирамиды Лувра из стекла и металла у входа в знаменитый музей. Сейчас она была в торговом центре неподалеку, надеясь сфотографироваться еще и на фоне Опрокинутой пирамиды – уменьшенной и перевернутой вверх ногами версии первой, служившей грандиозным световым фонарем.

Как и миллионы других, в 2003 году Сабина прочитала знаменитый роман, в котором маленькая пирамида, расположенная под фонарем, оказалась верхушкой гробницы, в которой находились останки Марии Магдалины¹¹. Впрочем, это была только книжка. Она смотрела видео о ее установке и знала, что этот кусок камня – именно то, чем кажется, всего трех футов в высоту.

Но все равно она хотела сфотографироваться.

Не найдя какого-нибудь любезного покупателя, который бы сфотографировал ее, Сабина держала свою новую цифровую камеру на вытянутой руке перед собой и шестимесячной дочерью Ирмой, когда что-то попало ей в глаз.

Сморгнув, она посмотрела наверх, думая, что соринка упала с фонаря. Когда еще что-то крошечное коснулось ее щеки, она с Ирмой и коляской отодвинулась на безопасное расстояние и посмотрела снова.

Солнечный свет, лившийся сквозь стеклянные грани, был достаточно ярок, чтобы высветить плавающие в воздухе пылинки, но, по-видимому, ничего не болталось и не падало. Сочтя свои тревоги материнской паранойей, Сабина собралась уходить – и почесала щеку.

То, что ее стукнуло, все еще оставалось на коже. Боясь, что это стекло, она осторожно сняла его и с любопытством потерла между большим и указательным пальцами. На ощупь это было похоже на камень или бетон. Посмотрев снова на маленькую пирамиду на полу, Сабина заметила небольшую трещинку на одной из ее граней.

Она подвинула коляску поближе. Что-то слишком маленькое, чтобы его разглядеть, выскочило из трещинки и, пролетев по дуге, приземлилось на плиточный пол, оставив на своем пути малюсенькое облачко пылинок.

Она отодвинулась, но продолжала наблюдать.

Насекомое? Может быть, но оно было такое крошечное – меньше, чем бывают насекомые. Может быть, здесь, в Париже, они особенно мелкие? Или это просто кусочек камня? Маленькая пирамида крошится?

Сабина поискала режим видео в новой камере. Если она заснимет, как трещина становится больше, может получиться хороший клип. Еще один хлопок, не такой громкий, чтобы на него обернулись, но громче предыдущего, склонил ее к мысли, что сначала лучше отойти с Ирмой куда-нибудь на безопасное расстояние, что бы там ни происходило.

Каменная стена в другом конце помещения казалась для этого вполне подходящей. Добравшись до нее, Сабина решила, что должна сообщить кому-нибудь о происходящем. В конце концов, это же достопримечательность, и еще она приехала в Париж опробовать свои познания. Неподалеку стоял охранник, покачиваясь с пятки на носок и сцепив руки за спиной.

¹¹ Имеется в виду роман Дэна Брауна «Код да Винчи». – *Прим. ред.*

Храбрясь, Сабина подошла и, когда он посмотрел на нее, улыбнулась и сказала, собрав все свое знание французского:

– Il ya une fissure dans la petite pyramide.

Она была вполне уверена, что сказала: «В маленькой пирамиде трещина».

Но охранник выглядел озадаченным.

– Une fissure?

Она энергично кивнула.

– *Oui, une fissure dans la petite pyramide.*

Когда это не помогло, она добавила:

– *Je pense que ce pourrait être des ânes.*

Она надеялась, что сказала: «Я думаю, что это, наверное, насекомые», но боялась, что вместо этого употребила слово, означающее ослов. Судя по реакции охранника, так оно и было, он выглядел несколько оскорбленным.

– *La pyramide est la pierre solide. Il ne peut pas simplement se fissurer.*

Что-то насчет того, что пирамида из прочного камня и не может потрескаться. Сабина собиралась показать ему трещину, но Ирма начала хныкать.

Охранник улыбнулся и сделал умильное лицо.

– *Peut-être que votre enfant a besoin de ses couches changé?*

Но хныкание было вызвано не грязным подгузником, этот звук Сабина знала очень хорошо. Оно было больше похоже на звуки, которые Ирма издавала, впервые в жизни увидев жирафов в Парижском зоосаде сегодня утром.

Охранник наклонился над коляской, улыбнулся и помахал рукой, но Ирма не обращала на него внимания.

Сабина поняла, что дочка таращится на пирамиду.

Трещина не только расширилась, из нее падали кусочки камня.

Сабина застыла ровно настолько, чтобы увидеть, как металлический треугольник трех футов в высоту показался из маленькой пирамиды, как будто вылупившись из каменного яйца. К тому моменту, как другие покупатели только заметили неладное, она уже толкала коляску с Ирмой к ближайшему выходу.

Она еще видела, как металлический треугольник разворачивается. Все еще плоский, он увеличивался, треугольник за треугольником. После этого она решила больше не смотреть. Она исполнила свой долг, теперь это была проблема охранника.

Сначала Сабина просто быстро шла. Потом, услышав крики и топот бегущих за ней людей, тоже побежала, толкая коляску с уже плачущей Ирмой так быстро, как только могла.

– Все в порядке, все в порядке, – повторяла она. Но гулкий голос превратил ее плач в рыдания.

– *Wo ist Kapitän Amerika?*

Сабина предположила, что голос исходит из треугольников, но не обернулась проверить. До выхода все еще были миллионы миль, когда он раздался опять:

– *Wo ist Kapitän Amerika?*

Это был механический, потрескивающий голос, как будто его записали сотни лет назад и теперь проигрывали через динамики с плохими контактами. Во всяком случае, он не приближался. Говорили по-немецки, этот язык она тоже знала, но необходимость увезти ребенка в безопасное место спутала ее мысли.

Кто? Почему? Что?

Вместе с десятками убегающих покупателей она прорвалась к выходу в сторону павильона снаружи Лувра. Оказавшись на свежем воздухе, она сообразила.

Где.

Голос спрашивал, снова и снова: «ГДЕ КАПИТАН АМЕРИКА?»

Даже до того, как она добралась до необъятного грузового отсека, Ниа Н'Томо чувствовала себя маленькой. Она множество раз переживала тот ужас, с которым сталкиваются почти все, работающие в опасных зонах со смертельными патогенами, но никогда не встречала ничего даже отдаленно похожего на этот вирус. Хотя и благоговей перед его изощренной красотой, она была в равной степени напугана смыслом, в ней скрытом, – и пыталась бороться с растущим чувством беспомощности.

Хорошо было бы найти решение, но пока что доктор Кейд наперед угадывал все ее мысли. Ниа предложила использовать ту самую модель, с помощью которой он прогнозировал симптомы, чтобы оценить взаимодействие вируса с известными вакцинами, только чтобы обнаружить, что он уже использует половину вычислительных мощностей Геликарриера именно для этого. Приятно было верить, что в любой момент может найтись «попадание», но при имеющихся параметрах это была игра в рулетку с практически нулевыми шансами.

Должен быть какой-то другой путь. Но, как и Щ.И.Т., иммунная система умеет реагировать только на угрозы, которые способна опознать. Т- и В-лимфоциты, которые не дают вирионам размножаться и даже уничтожают их, полагаются на известные шаблоны. Вакциной можно «научить» тело уничтожать новый вирус, но что-либо незнакомое, не вызывающее никаких симптомов, практически невидимо.

Ниа ушла из лаборатории, чтобы помочь доктору Доусону в работе по выгрузке третьего сканера. После загрузки в него последней модели вириона можно будет ускорить проверку, и еще это даст ей время разобраться в своих побуждениях.

Ведь Кейд великолепен, но не всеведущ. Даже ведущие издания не смогут заставить ее в это поверить. Надеюсь, что, если она будет лучше осведомлена о его работах, это поможет их сотрудничеству, Н'Томо быстро поискала их. Заголовки новостных порталов упоминали его достижения, особенно работу в Манфи, но на тех немногих медицинских сайтах, которые она успела просмотреть, не давалось никаких деталей, по которым можно было лучше уяснить его стиль.

Геликарриер все еще был в карантине, и груз от «Старк Индастриз» из Неаполя прибыл на беспилотном хOVER-флаере. Беспилотное устройство так легко село на предназначенное ему место посадки, что это напомнило ей, как многого может достичь человечество. Это немного помогло. И, хотя это не бог весть какое достижение, доктор Доусон был гораздо более сердечен, чем Кейд.

Но, пока большой ящик грузили на платформу, грузовой отсек осветили мигающие красные огни. Когда завывли сирены, Н'Томо инстинктивно ухватилась за поручень, и как раз вовремя: пол под ногами наклонился, и она обнаружила, что поддерживает доктора Доусона, чтобы тот не упал.

– Нас атакуют? – спросила Ниа. – В нас попали?

Восстановив равновесие, Доусон нацепил очки обратно на переносицу и посмотрел на то, что она сочла пижонскими наручными часами – но, кроме времени, оно еще проецировало массу данных в реальном времени на белый рукав его халата.

– Нет, это смена курса с приоритетом «один», – сказал он с некоторым облегчением. – Мы реагируем на сигнал тревоги из Парижа. Ожидаемое время прибытия – около часа.

«Около часа? До Парижа по меньшей мере четыре тысячи километров. Как же быстро может двигаться Геликарриер?»

Не успела она спросить, как в ухе раздался голос Фьюри:

– Доктор Н'Томо, вы нужны в лаборатории двести сорок семь немедленно. Мне нужно несколько агентов для полевой работы, а ваш коллега вместо этого предлагает мне жуткую кучу...

Его заглушил громкий писк сигналов. Когда Геликарриер выровнялся, Ниа направилась в ближайший коридор, но замешкалась при виде суетящейся команды.

– Вам помочь? – окликнул ее Доусон.

– Спасибо, я найду.

Члены команды, спешащие по своим местам, не мешали ей, она уже знала короткий путь. Ниа открыла дверь лаборатории и, как и следовало ожидать, обнаружила спор в разгаре: сухопарый Кейд против наливающегося кровью Фьюри. Стив Роджерс тем временем скромно сидел в изоляторе, не зная, огорчаться ему или развлекаться.

– Было бы более целесообразно, если бы местные власти справились сами!

Фьюри подошел ближе, намеренно вторгаясь в личное пространство Кейда.

– Я повторяю, что у них нет ни опыта, ни техники, чтобы справиться с долбаным гигантским роботом-убийцей! – Кейд не реагировал, отчего Фьюри только еще больше разозлился. – Какое из трех слов вам непонятно – «гигантский», «робот», или «убийца»?

Что бы ни творилось в Париже на самом деле, Ниа с удовольствием подумала, что у нее есть простое решение.

– Почему бы не использовать агентов, которых мы уже проверили?

Кейд заскрежетал зубами, а Фьюри широко улыбнулся.

– СПАСИБО! Это все, о чем я прошу.

Осознав, что она нечаянно выступила против ведущего в мире эпидемиолога, Ниа попыталась сменить тональность.

– Я не говорю, что нам не нужно быть осторожными...

Фьюри не дал ей возможности закончить.

– Но вы с ним не согласны.

Ниа секунду подумала. Сканер, на котором проверяли агентов, был тот самый, которым впервые обнаружили вирус. Если сканеру нельзя доверять, то нет и оснований верить, что вирус вообще когда-либо существовал. Это было правильное решение.

– Нет.

Показав ей большой палец, полковник двинулся к двери, на ходу рывкнув в комм:

– Скажите Центру по контролю, что у нас есть санкция поднять команды с первой по четвертую. Командир Джейкобс! Я иду к мониторам на мостике.

Доктор Кейд даже не посмотрел на Н'Томо, лишь глубоко вздохнул и демонстративно вернулся к работе. Ниа раздумывала, не подойти ли к нему, чтобы объяснить лучше, когда голос Стива остановил Фьюри:

– Ник, из сообщений в новостях я понял, что эта штука сделана нацистами во время Второй мировой.

– А что там в новостях? – спросила Ниа.

Все еще глядя на Фьюри, Кэп развернул к ней лэптоп.

Ниа свободно говорила по-французски, но ей пришлось прочесть дважды, чтобы поверить, что в бегущей строке действительно написано «гигантский робот-убийца». Открыв рот, она посмотрела на директора.

– Я думала, это была фигура речи.

Фьюри не двинулся от двери.

– Не-а. Если у вас есть гигантский робот-убийца, кому нужны какие-то там фигуры?

Остальная часть экрана показывала трясущуюся картинку с вертолета где-то над Лувром. Часть павильона покрывало что-то вроде обломков, оставшихся после взрыва огромной бомбы, только *эти* обломки шевелились. Тусклый металл принимал разнообразные геометрические формы, но в промежутках выглядел жидким, как амeba.

Снова разволновавшись, Кейд потряс костлявым пальцем перед директором.

– Мы не должны были даже обсуждать это в его присутствии! И разве мы не согласились, что будет лучше, если он не будет получать сигналы тревоги?

Фьюри скривился:

– Он и не получал. Не от меня или моих людей. Просто мы оба забыли, что он там может смотреть «Си-Эн-Эн».

Стив проигнорировал их перепалку:

– Ник, нацистские технологии. Это Череп?

– Может быть. Ты... смотришь со звуком?

– Да, – он прибавил громкость.

Голос, ставший оловянным в маленьких динамиках, поплыл по лаборатории:

– Wo ist Kapitän Amerika?

Кейд в отвращении поднял руки:

– Вот это замечательно, не правда ли?!

Роджерс выразительно посмотрел на Фьюри.

– О'кей, Кэп, о'кей. Не забивай голову, это просто запись из старых добрых времен. Скорее всего, это какое-то допотопное оружие, которое нацисты забыли и которое ненароком включилось, вроде неразорвавшихся бомб, которые мы когда-то находили по всему Лондону.

– Возможно, но этот голос я узнаю, где угодно.

Фьюри кивнул:

– Адольф Гитлер. Да, нам уже подтвердили, что это он.

– Wo ist Kapitän Amerika?

Стив вскочил на ноги так внезапно, что Ниа не могла не вспомнить, что он не обычный человек.

– И вы не планировали мне сообщать, что оно спрашивает обо мне?

Фьюри скрестил руки на груди:

– Нет, я не планировал, и ты чертовски хорошо знаешь, почему. Эта штука может стучаться, сколько ей угодно, но Капитан Америка не выйдет поиграть.

Видя решимость директора, Кейд отошел в глубь лаборатории и вернулся к работе.

Стив, однако, выглядел так, будто сейчас начнет метаться.

Ниа видела многих пациентов, запертых в изоляторе неделями и даже месяцами. Строителям, фермерам – любому, привыкшему все время двигаться, – приходилось туго. А здесь сидел Капитан Америка. Как бы он ни был дисциплинирован, ему было ужасно тяжело оставаться в этом маленьком помещении.

И вдвойне тяжело, когда неведомая угроза вызывала на бой именно его.

Н'Томо повернулась к Фьюри:

– Полковник, можно капитану Роджерсу поработать консультантом команды на земле?

Он сразу кивнул:

– Обычно приказы отдаю я, но, черт возьми, да! Я велю транслировать данные сюда.

Лицо Стива оставалось безучастно, но Ниа видела, что плечи его слегка расслабились.

– Я сделаю, что смогу.

Кейд прислушивался и, очевидно, не отойдя еще от спора с Фьюри, дрожал, когда начал говорить:

– Я бы лучше... – не закончив, он развернулся обратно к своему столу. – Не обращайтесь внимания. Это хорошая идея, доктор Н'Томо. По крайней мере, никто не пытается послать его в бой.

Игнорируя Кейда, Фьюри ухмыльнулся Стиву, и тот спросил:

– Что?

– Никогда не думал о тебе как о штабной крысе.

Ниа улыбалась вместе с ними, пока не посмотрела на Кейда, ссутулившегося перед компьютерами, пролистывая изображения белков, капсидов¹² и нуклеиновых кислот. Она бесконечно уважала его, но, вместо того, чтобы выразить свое восхищение, вмешалась в его отношения с Центром по контролю заболеваемости. А сейчас наступила ему на мозоль уже дважды за последние несколько минут.

Она должна поговорить с доктором один на один, разрядить атмосферу, как только позволит ситуация. Если *он* позволит.

Ниа представила себе его, негодующего, что ее глупые межличностные проблемы отнимают драгоценные минуты, которые можно было бы потратить на спасение мира.

И... возможно, он был прав.

¹² Белковая оболочка вируса. – *Прим. перев.*

7

Кроме того, историю пишут победители

К тому времени, как Геликарриер вошел в воздушное пространство Парижа, стол для совещаний, загромаждавший лабораторию, заменили на не менее громоздкую панель мониторов, смонтированную перед карантинной камерой. На каждого из двенадцати полевых агентов приходилось по экрану, еще три показывали картинку с камер слежения на месте, а шестнадцатый – с летающего дрона.

Роджерс стоял, опершись о стекло, и наблюдал за происходящим со смешанными чувствами. Хорошо было иметь возможность делать хоть что-то, но, глядя на картинку, передаваемую дроном с высоты птичьего полета, он хотел быть там, на земле.

Ниа и Кейд держались на расстоянии – как от операции, так и друг от друга. Кэп и Фьюри могли свободно разговаривать.

– И это началось, как треугольник, который просто появился из камня?

Фьюри, тяжело облокачиваясь на стену, кивнул:

– Не просто из камня. Нацисты использовали Лувр как координационный центр для украденных произведений искусства. После освобождения в музее проходило много проверок, так что у нас есть документы. Оказывается, они планировали соорудить новое хранилище из камня, привезенного прямиком из Берлина. Его так и не построили, но один из блоков использовали при постройке этой маленькой пирамиды. Очевидно, одна грань у нее имела нужную форму.

Пока что все разрушения были побочным результатом смены форм у робота. Когда он менялся, треугольники кромсали все на своем пути, так что в павильоне стало слишком опасно, и местные силы правопорядка смогли только эвакуировать гражданских и организовать периметр.

Перепробовав с десятков конфигураций, треугольники в конце концов приняли форму двойного ромба с вершинами по обеим сторонам. Он разрастался так широко и так быстро, что казалось, будто нацисты, когда-то не удержавшие Париж, собираются полностью накрыть его.

Роджерс сосредоточился на виде сверху.

– Оно тестирует себя, определяя свои возможности.

– Если никто не управляет им дистанционно, может быть, оно больше ничего и не будет делать, – ответил Фьюри.

Кэп уныло покачал головой:

– Я уже сражался с нацистскими роботами. Помнишь Спящих? Они не нуждались в дистанционном управлении. Они были захоронены в склепе на дне океана, пока Череп не разбудил их. После этого они действовали сами.

– Поддай на меня в суд за оптимизм, но да, тут ты меня уел.

– Нацисты сделали кое-какие потрясающие открытия. Спящие не имели настоящего искусственного интеллекта, но их подпрограммы были очень сложно организованы. Даже с помощью войск я не смог предотвратить воссоединение первых трех. Если бы мне не удалось взорвать бомбу до того, как они закопались в землю, планета была бы уничтожена. – Он похлопал по стеклу. – Но эта штука впечатляет и сама по себе. Как это все *уместилось* в трехфутовой пирамидке?

– Какой-то метод сжатия. Каждый кусок в тысячи раз тоньше, чем первоначальный, и все они бритвенно-острые и не такие плотные. Но даже при этом та пирамидка должна была весить сотню тонн. И еще, резонансная томография говорит, что около десяти процентов

этой штуки состоят из пустот. В них какой-то газ, вероятно, получившийся при химической реакции, когда она активировалась.

– Газ?

Прежде чем Фьюри ответил, на павильон упало две больших тени.

– Там флаеры. Немножко удачи, и несколько залпов старого доброго летящего свинца безо всякого искусственного интеллекта разнесут эту штуку в клочки.

В комме раздался знакомый голос командира, агента Джейкобса:

– Тридцать секунд до посадки. Неплохо поработать с тобой снова, Капитан. Типа, не как в прошлый раз, правда? Можно нам организовать вид на это сверху?

– Хорошая идея, – согласился Роджерс. – Запускайте дрона.

По мере того как дрон опускался к озеру серого металла, его картинка высокого разрешения подтверждала то, что показывали камеры внутри: каждый треугольник был абсолютно плоским и ровным. Никаких отметок, узоров, вообще никаких отличий.

Когда устройство зависло примерно в десяти ярдах, голос забубнил опять:

– *Wo ist Kapitän Amerika?*

В сторону дрона протянулось щупальце, состоящее из треугольников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.